

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ ИВАНОВ

В.Ф. Иванов — тот самый сказитель из с. Большие Нисогоры, про которого, сопоставляя его с А.И. Палкиным, говорили: «У его и духу такого нехватит, как у Олюшки» (см. заметку о Палкине). И действительно, это был слабый, больной, страдающий сердцем старик, 74 л. Жил в 1928 г. одиноко со своей женой старухой. Всю свою когда-то большую семью растерял. Старший сын служил на железной дороге и связи с отцом не поддерживал. Средний в 1919 г. погиб на гражданской войне, в рядах красных. Младший около трех лет тому назад как ушел из дому, и о нем не было вестей.

Василий Филиппович — хорошо грамотный. Отслужил 7 лет во флоте. Плавал на клипере «Жемчуг». По его словам «в семи державах был». Последние годы во флоте служил ротным писарем. Любитель чтения. Читал романы: «Юрий Милославский» и др. Былины перенял от дедушки Матвея Яковлевича Иванова, славного в Нисогорах, кроме своего сказительства, еще долголетием — жил 105 лет. У Василия Филипповича еще с детства была большая связь с дедом — он ходил с ним на охоту, «на путик».

Первую былинку Василий Филиппович спел. Напев его был однообразен, беден и не отличался строгой ритмичностью, что позволяло вкладывать в него местами совсем прозаический текст.

Тихий и кроткий, благожелательно настроенный к людям, исполнитель в образе Ильи Муромца особенно подчеркивал черты миролюбия, великодушия и бескорыстия.

ВО СТОЛЬНЕМ ВО ГОРОДЕ КИЕВЕ

Во стольнем—то городе Киеве,
Што у ласкова у князя у Владимера,

- Было пированье—стол, почёсен пир.
Вси на пиру напивалисе,
5 На чесном пиру наедалисе,
Все были пьяны и веселы.
Тут Владимир—от князь распотешился,
Стал по гринюшке похаживать,
Сапог о сапог поколачивать,
10 Белыма руками приразмахивать.
Говорил—то Владимир таковы слова:
«Уж вы ой еси, все князья—боера,
Все уж моуцые бохатыри.
Паленицы все удалые.
15 Вы не знаете ли мне полюбовницу,
Полюбовницу мне красну девицу?
Таку бы — девица ростом равна
(Как Вы),
Ростом равна, повысока,
Коса бы руса у ей бы до поеса,
20 Очи ясны были у ей как у сокола,
Брови черные у ей как у соболя,
Штобы могла она поклониться кнезым всем боерам,
Всем могучим бохатырям
И поленицам всем удалым».
25 Из—за того ли из столика среднего,
Из—за столика булатного
Вставал тут удаленькой доброй молодец.

325

- Вставал он на резвы ноги,
Дунай сын Иванович:
30 «Уж ты батюшко король леховинское,¹
Позволь мне слово сказать, слово вымолвить,
Я не столько живал на святой Руси,
А я больше живал ведь в проклятой Литвы.
У того у короля леховинского
35 Есть тут любимая дочь Опраксея королевичня,
Та ростом равна, ростом висока,

¹ Оговорка исполнителя вместо обращения к князю Владимиру.

Коса руса у ей до поеса,
Очи ясны у ей как у сокола,
Брови черные у ей как у соболя».

40 Спроговорил же король да ляховинской же:²

«Уж ты ой еси, Дунай свет Иванович,
Ты бери—ко силы сколько надобно,
Когда с добром — бери её,
А не даст, так возьми силою».

45 Спроговорит Дунай сын Иванович:

«Мне на надо силы — своей сметы нет,
Только дай мне названого брателка,
Добрынюшку Микитичя».
Скоро коней оседлали,

50 Поехали добры молодцы,

По чисту полю курева пошла.
Приехали они к королю да ляховинскому.
Они правили стеною да не дорогою,
Они ехали чрез стены те городовья,

55 Поставили добрых коней на кнеженецкой двор

Не связанных они и не привязанных.
Пошел тут Дунаюшко с Добрынею
Во светлы гринюшки к королю ляховинскому.
Оставил Добрыню во светлых сенях,

60 Сам зашел к королю ведь ляховинскому.

Спросил его король ляховинской же:
«Зачем ты, Дунай, пришел, приехал же?
За торгом иль за товарами,
Иль попрежнему служить мне?»

326

65 Спроговорит Дунай да свет Иванович:

«Не за торгом я к тебе да не за товарами,
А приехал я за любимую дочерью Опраксей
королевичней
За нашего князя за Владимера».

Спроговорит король ляховинской же:

70 «Уж ты ой еси, Дунаюшко,

² Та же оговорка.

- Кабы не жил у меня, я бы отсек по плечам голову».
Спроговорил Дунай во второй—от раз,
Не получил ответу от его.
Спроговорил он третий раз,
75 То вскричал король ляховинской же:
«Вы вставайте, петнадцать тотаровей,
Вы берите Дуная за праву руку,
Вставайте, другая петнадцать,
Вы берите Дуная за леву руку,
80 Вы ведите Дуная во глубок погрёб!»
Махнулса Дунаяшко правой рукой,
Упали тотарове без памети.
Отмахнулсе Дунаяшко левой рукой,
Взял тут Дунаяшко дубинку подорожною,
85 Стал по гринюшке помахивать,
Король по застолью стал побегивать.
Тут скопилосе силы во двор и смету нет.
Выходил ле Дунаяшко во светлы сени,
Брал он Добрынюшку с красна крыльца,
90 Они брали тотаровей за ноги:
Махнутса — так и улица,
Отмахнутса — с переулками.
Увидала тут Опраксея королевичня,
Выходила она к батюшку:
95 «Уж ты ой еси, батюшко король ляховинское,
Оставь ты тотаровей на семена!
Добри—ти отцы да добрых дочерей
Отдавают с пивом—брагою,
А верно мне быть за има».
100 Тогда вышел король на красно крыльцо,
Говорил таковы речи:
«Оставь мне, Дунай, тотар на семена,
Бери Опраксею королевичню».

- Зашол Дунай, брал он Опраксею на руки.
105 Она начала слезно плакати:
«Зови ты, батюшко, на угощенье их».
Тогда сказал король ляховинской же:
«Заходите, Дунаяшко, во светлицы,

- Не угодна ли тебе пива пьяного?»
110 Сказал тут Дунай—от Иванович:
«На приезде нас не употчѣвал,
На отъезди не учоствовать».
Сажал Дунаюшко Опраксею королевичню
На добра коні назад себе,
115 Поехали они рысью боһатырскую.
Приехали они во своё полѣ чистое,
Увидал тут Дунай—от Иванович,
Што ездит храбѣр добрый молодец,
Копья кидат кверху, на подъезде подхватывают.
120 Не честь была хвала молодецкая
Не узнать тут Дунаю добра молодца.
Передаѣт он Опраксею королевичню
На добра коні Добрынюшки Микитичю,
Приказал отвезти князю Владимиру,
125 Сам отправилса к добру молодцу
(*Встречу*).
Они рыцарски стали тешиться,
Сабли пощорбалисе и копья извихнулись,
Стали тенуться через гривы лошадиныя
(*У их мода была*).
У соперника нога окатилась, пал он на землю.
130 Тут Дунай свет Иванович
Ростегнул он латы железныя,
Увидал тут титки женския,
Тогда сказал он: «Ну, Настасья королевичня
(*Сестра Опраксеи*)
Сестра твоя за Владимиром, а ты быдь за мной».
135 Спроговорит Настасья королевичня:
«Кабы я не здесь была — теперь воля ваша же!»
Они сели на добрых коней
И поехали к стольнему городу Киеву.
Тут устроен был у Владимира великий пир,
- 140 В чести был Дунай сын Иванович.
Повышил, стал хвастать он:
«Нет на свете сильней меня,

- И нет на свете умнее меня,
Как и в стрелочку собольнею метнее меня».
- 145 Тут спроговорит Настасья королевичня:
«Не добром ты хвасташ: сильнее тебя есь —
Илья Муромец,
Умнее тебя—Добрынюшка Микитич ведь,
А во стрелочку собольнею я метнее тебя».
(Какая!)
- Тут Дунай Иванович не вытерпел,
Пожелал с ей на стрельбу вытти.
Они вышли в чисто полё,
Стали в означенное место,
Положили златы персни на голову.
- 155 Стрела Настасья королевичня,
Сквозь перстень прострелила — перстень не уронила,
А стрелил Дунай сын Иванович,
Первый раз он не дострелил,
Второй раз он перестрелил
(Пьяненький видно был).
- 160 Тут взмолилась Настасья королевичня:
«Ты прости меня, Дунай сын Иванович,
Первый раз ты не дострелил,
Второй раз ты перестрелил,
А третий раз ты застрелишь.
- 165 Не губи ты меня — в утробе есь младень хорош».
Не поверил Дунаюшко Иванович,
Застрелил Настасью королевичню,
Разрезал грудь — увидал младень хорош.
Не стерпел тут Дунай Иванович:
- 170 Поставил копьё во сыру землю —
На вострый конец стал грудью наваливать.
Проговорил Дунаюшко таковы слова:
«От младенца вырости ракитов куст,
А от моей крови горячей будь Дунай—река».
Так и скончался он тут.
Боле и всё.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Во славном было городе во Муроме,
В селе Карачарове
Жил крестьянин Иван Тимофеевич.
У него было любимое чадо,
5 Его звали Ильёй,
Сидел он седуном тридцать лет.
Как минулось ему тридцать лет,
Стал ходить он на ногах крепко,
Почувствовал в себе силушку великую
10 И сделал себе конскую сбрую,
Оседлал коня доброго бохатырского,
Пришел к отцу к матери
Просить благословения
Ехать в Киев град боху помолиться,
15 Князю поклониться,
Опраксею королевичню посмотреть и себя показать.
Дают благословения и говорят такие речи:
«Сын наш любезный, не делай обиды, не проливай крови
христьянской».
Видели Илью Муромца на коня садилса,
30 А на поездке только курева пошла.
Приехал он во леса тёмны, табор разбойницкий,
Стали наступать человек по десять и по двадцать,
Хотят коня отнять.
Илья Муромец снял с плеча тугой лук, спустил в сырой
дуб,
25 Стрела начала рвать в мелкие черенья.
Тогда эти испугались, взмолились ему:
«Удалой добрый молодец!
Бери за нашу вину сколько надобно:
Платье цветное или табун лошадей».
(Ишь сколько нагреблено было!)
Илья Муромец усмехнулся: «Если этим мне брать, некуда
будет девать».
А сказал им: «Вперёд этим отважьтесь»
(Чтобы не грабили),

Приехал он в Чернигов город.

330

Чернигов—город сила басурманская город окружила. Хотят силушку повырубить, божьи церкви под дым спустить.

Илья Муромец подумал себе: «Не честь—хвала боһатырская отдать Чернигов—град на поруганье». Поворотил коня на правую руку, начал саблей рубить, конём топтать, всю силушку повырубил. А на главнокомандующего, голову отсек, воткнул копье и поехал в город. Горожане отворяют городские ворота. На одном блюде несут золотые ключи, а на другом золотую казну. Берут его за белы руки и вводят в белокаменны палаты, угощают разными кушаньями и говорят таковы речи: «Удалый добрый молодец, живи у нас». Он спросил у их: «Где у вас премая дорога ехать в Киев—град, которая была закладена Соловьём—розбойником тридцать лет?»

Он и поехал. Приехал он на реку Смородину за двадцать вёрст от Соловья—розбойника. Услышал Соловей—розбойник, стал свистать. Подъехал Илья Муромец ближе, а Соловей—розбойник начал свистать пуще прежнего. Подъехал Илья Муромец под самое Соловьиное гнездо, которое было на двенадцати дубах (в картинах *Вы не видали?*). Конь на окарачь. Но боһатырское сердце не утрашилось. Стал бранить: «Ох ты, волчья сыть травеной мешок! Не бывал ты во чистом поле, не слыхал ты вороньего карканья». Тогда снимал он с плеч тугой лук, накладывал он калену стрелу, пускал в сырой дуб; стрела попала ему в правый глаз. Соловей—розбойник свалился с гнезда, как овсяной сноп. Илья Муромец подхватил его и приковал к столбу дубовому.

На пути у Соловья—розбойника было три дочери, и было принято три зятя на их. Старшая дочь взглянула в трубочку подзорную и сказала: «Вот наш батюшко с добычей едет, мужика везёт». Друга сестра взглянула: «Нет, — говорит, — нашего батюшку везут у стремени прикована». Стали просить: «Мужья наши милые! Подите и отоймите нашего батюшка у мужика». Конечно,

были богатырьски кони добрыи. Едут навстречу к Илье Муромцу. Соловей—розбойник был хитёр, сказал: «Зетья мои милые, не троньте и не дразните такова сильного бохатыря; лучше вам от его смерть не принять, а зовите лучше пиво—вару пить». Зетьи соскочили с добрых коней и стали просить: «Удалый добрый молодец! Пожалуйте пиво—вару пить». Тогда он поворотил коня на взезд (на *взвоз*) и увидал, што железная подворотня поднята на цепях над воротами (*убить умышляли*). Хотели его убить. Тогда Илья Муромец увидал неправду, ткнул ей копьём. Подворотня пала, а он поехал в Киев.

331

Приехал он ко Владимиру—князю во двор. Поставил коня не связанного, не привязанного. Зашол он во светлу гридню, молитса спасу пречистому, бил челом князю Владимиру, Опраксеи королевичне, всем могучим бохатырям и паленицам преудалым. Спросил тут Владимир—князь: «Какой ты, куда едешь?» — «Я города Мурома, села Карачарова, Иванов сын». — «Што ты править едешь?» — «Я ехал мимо Чернигов—град, силу басурманскую очистил, с собой привёз Соловья».

Тогда вскричал Владимир—князь: «Што ты меня оманываеш? В тридцать лет никто не мог, а ты привёз!» А он утверждает. Тогда Добрыня Микитич и Алёша Попович попросили узнать, ответили, што есть. Тогда Владимир—князь приказал принести бохатырскую чару. Ещо хотел себя испробовать. «Подите, Добрыня Микитич и Олёша Попович, ведите его сюда!» Пошли они, хотели его взять, он зашипел: «Не ваше пью—кушаю, не вас и слушаю». Пришли, сказали Владимиру, што мы не можем. Тогда Илья сказал Муромец: «Идите, скажите, што я велел». — «Соловей—розбойник, тебе Илья велел ведь». — «Сейчас готов», говорит. Те привели его в кнеженецкие полаты. Сказал Владимир—князь: «Ильюшка, хотя бы он засвистал». Тогда попросил Илья Муромец кнеженецкую кунью шубу (*не надеялся на него окаянного*). На себя надел ей, Владимир—князя взял под правую мышку, Опраксею—королевичню под левую. И

говорит: «Ну, Соловей, свисти в полсвиста, а не во весь свист». А Соловей—розбойник начал свистать во всю мочь. Хотел убить всех своим свистом. Все пали. Владимир—князь говорит: «Скажи, што полно». Илья вскричал, но Соловей—розбойник не остановилса. Тогда он взял его за уши, ударил о пол и убил: «Таких неверных слуг я не люблю». Владимир—князь почтил его первым боһатырём и назначил пир.

На пиру Илья Муромец и Добрыня Микитич назвались названными братьями. Поехали в чистое полё себе супротивника искать. Ездили три месеца. Приехали на ростани: одна из Чернигова города, другая — из Киева. Из Киева города идёт каличка перехожая. Костыль у его косая сажень, шляпа бытто в тридцать пудов (*дедка говорил*). Илья Муромец увидел его, слез с коня и стал пошиньгивать. — «Не тронь меня, старый козак Илья Муромец! Не знаш, што в стольнем городе деется. Приехал в стольный Киев поһаный Издолицо (*брат Соловья—розбойника*), сидит у Владимира—князя за столом, а Владимир—князь слугой ходит. И спрашиват тебя, Илья Муромець. Отнял он звоны колокольные,

332

четы—петы черковные. И не велит просить милостыню ради Христа, а велит просить ради поһаного Издолица.

Тогда сказал Илья Муромец: «Каличицо, дай платье каличы бери у меня платье боһатырское, на коне поезди, а я схожу». Сказал калика: «Кабы Добрыне Микитичу или Олёше Поповичу (*а Добрыня тут же!*)— не дал бы без бою без драки, а тебе старому слову нет». Когда поменялись одеждою, Илья Муромец посадил калику на коня своего и сказал: «Ходи ступою бродовою, а не ходовою». Сам пошел во Киев—град. Пришел перед кнеженецкия полаты, закричал громко: «Батюшко Владимир стольне—киевский князь! Пошли мне милостыню ради христа!». Все испужались. Поһаное Издолицо вздрогнуло. «Што тако каличицо мало—громогласно! Поди, зови его сюда!» Князь вышел и говорит: «Калика, зайди в избу». Илья Муромец зашел, поздоровалсе с Владимиром князем, с Опраксеей—

королевичней, со всеми могучими удалыми богатырями, поганому Издолицу челом не бьёт. Спросил поганый Издолицо: «Ходишь, бродишь по чисту полю, не видал ли там Илью Муромца?» — «Видал», говорит. «А какой он есть?» — «А такой же, как и я». — «Экокой у вас Ильюшка, я на одну долонь положу, другой притипну!» Илья Муромец не ответил, а встал к кирпичной печке, как калика. Поганый Издолицо попросил есть. Принесли ему очень много, он всё съел. Попросил он пить. Принесли ему большой котёл воды, он взял за уши, весь выпил. Тогда Илья Муромец не утерпел: «У моёго у батюшки, — говорит, — у попа у ростовского, жила была корова обжорчива; ходила по поварням, оловину жрала да издохла, тебе тотарину та же честь будет».

Тогда он схватил кнеженецкий булатный нож, его кинул. Илья Муромец увернулса. Тогда Илья Муромец вынул из—за пазухи шляпу. «Ну, поганый Издолицо, сиди, не вертись!» Кинул шляпой этой через кнеженецкие полаты, попало в голову и два простенка вышибло. Тогда Илья Муромец сказал: «Ну, убирайте». Тогда пошел искать калику, обменялись одеждой. Илья Муромец подарил его золотом, приехал ко Владимиру—князю. Владимир—князь сделал великий для его пир.

После пиру, когда все улеглись, Илья Муромец стал по кнеженецким полатам похаживать, стал похвастывать. Снял он с плеч собольнею шубку и шубку стал попинывать, к шубке приговаривать: «Вот как я пинаю свою кунью шубку, так бы я пинал поганого Издолица туловище по чисту полю». Снял он шапочку

333

собольню, стал под матицу подкидывать, к шапке приговаривать: «Как я пинаю шапочку, так я бы пинал голову поганого Издолица по чисту полю». Тут были слуги нестерпчивы, сказали Владимиру князю, што Илья Муромец пинал шубку, к шубы приговаривал: «Как я пинаю шубочку, так стал когда ле бы пинать Владимира туловище». Пинал шапочку собольню и приговаривал: «Как я пинаю шапочку, так бы стал пинать Владимира голову». Владимир—князь этому поверил, приказал

посадить Илью Муромца во глубоок погрѣб, задѣрнуть решоткыми железныма и закатать каменьями серыми.

Опраксея—королевичня была хитра и мудра, приказала сделать ходы подземельные и тайно кормить его. Как минуло тридцать годов, наехала на город сила басурманская. Хотят силу повырубить, Опраксею—королевичню в полон взять. Владимир—князь остался в печали великой. Однажды сидел он с Опраксеей королевичней наединке и думал: «Как, сдать город или итти войной?» Спроговорит Опраксея—королевичня: «Ой еси Владимир—князь! Не жив ли у нас ещо старик Илья Муромец?» Спроговорил Владимир—князь: «Кабы я не в любви с тобой жил, отсека бы по плеч тебе голову». Повторила Опраксея—королевичня во второй раз. Сказала Опраксея—королевичня и в третий раз: «Не жив ли у нас старик Илья Муромец?» Тогда он приказал разрыть глубокий погрѣб. Откатали каменья серые, отдернули железные решотки, увидали — он читат книгу евангелье. Тогда спроговорил Владимир—князь: «Прости меня, Илья Муромец, выручи же из неволюшки великой!» Илья Муромец не вымолвил. Спроговорит Опраксея—королевичня: «Ох ты ой еси, старик, Илья Муромец! Выручи нас из неволи великой».. Тогда он вскочил, как ясѣн сокол: «Ну, Опраксея—королевичня, будь ты мне вторая мать. Выручила ты меня из смерти напрасной». Тогда он попросил на три дня одуматься. Уговорил полки. Пошли против неприятеля войной, очистили всю силу неприятельску.

Боле и всё.